

Шаповалова А.И.*

СТРУКТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРАЗИИ ДЛЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается структурное значение интеграционных процессов в Евразии для европейской системы международных отношений. Для этого анализируется влияние этих процессов на статусные характеристики ведущих центров силы, эволюцию взаимодействия между ними и баланс в сопредельных региональных комплексах, прежде всего в пространстве Восточной Европы.

Ключевые слова: Евразийский Союз, интеграция, Россия, Европейский Союз, Восточное партнёрство, европейская идентичность.

The article examines the structural implications of integration in Eurasia for the European system of international relations. In order to determine them the author analyzes the effects this pattern of integration has upon international standing of the leading European powers, evolution of interaction between them and adjacent regional balances, above all, balance in Eastern Europe.

Key words: Eurasian Union, integration, Russia, European Union, Eastern Partnership, European identity.

В статті розглядається структурне значення інтеграційних процесів в Євразії для європейської системи міжнародних відносин. Для цього аналізується вплив цих процесів на статусні характеристики провідних центрів сили, еволюцію взаємодії між ними та баланс у суміжних регіональних комплексах, насамперед у просторі Східної Європи.

Ключові слова: Євразійський Союз, інтеграція, Росія, Європейський Союз, Східне партнерство, європейська ідентичність.

Интенсификация интеграционных процессов на пространстве СНГ на базе евразийского проекта представляет собой знаковый тренд для европейской политики. Очередное возвращение к этому проекту в период, когда политика «перезагрузки» отношений между Россией и Западом, достигнув своих основных целей, постепенно идёт на убыль, указывает на то, что шансы на достижение системного компромисса между ведущими центрами силы в Европе практически исчерпаны. Процессы на структурном уровне европейской системы развиваются в русле закрепления статус-кво между ключевыми игроками, стимулируя их к удержанию имеющихся преимуществ и созданию политических и экономических «блокаторов», препятствующих односторонним сдвигам в сложившемся балансе. В подобных условиях эпицентр трансформационной динамики переносится на

* кандидат политических наук, преподаватель кафедры внешней политики и дипломатии Дипломатической академии Украины при МИД Украины

региональный уровень европейской системы, наиболее явственно проявляясь в региональных пространствах с наименьшей степенью структуризации. Однако, при сохранении общей амбивалентности базового континентального уровня европейской системы, изменение сложившихся региональных балансов требует ещё более действенных и устойчивых форм консолидации, способных преодолеть инерцию укоренившихся в них преимущественно конфликтных структур.

Интеграция как наиболее устойчивая форма консолидации государств и обществ сама по себе может генерировать дополнительный структурирующий эффект, но его масштаб и трансформационный потенциал для конкретной системы международных отношений варьируется в зависимости как от особенностей собственно конкретного интеграционного объединения, так и от сопутствующих факторов, в первую очередь свойств международной среды, в которой оно функционирует.

Среди примечательных особенностей создаваемого интеграционного объединения (Таможенного / Евразийского Союза) следует упомянуть узкий состав участников, сравнительную замкнутость, выраженную в выстраивании внешнеэкономических барьеров, прогрессирующую нормативную конвергенцию, ограниченную пока что рамками отдельных практических сфер, и внедрение элементов наднациональности. Во многом эти особенности обусловлены характером интеграционной политики России и задачами, которые она призвана решать на данном историческом этапе. В нынешнем контексте они отражают стремление к достижению наибольшей возможной степени внутренней консолидации в рамках интеграционного объединения для ограничения внешнего давления. Причём в качестве катализатора подобной консолидации используется уже не только унаследованная из прошлых времён взаимозависимость некоторых отраслей экономики, но и возникшие в современный период в данном пространстве политические вызовы и риски, способные привести к дестабилизации внутренней обстановки в сопредельных государствах. В результате, в ходе реализации выдвинутых российским руководством интеграционных инициатив преобладает тенденция к обособлению от международной среды и минимизации воздействия внешних факторов, тогда как оказание обратного программирующего воздействия на среду, хоть и является перспективной задачей для создаваемого объединения, но пока что остаётся «на втором плане» его повестки дня.

На первый взгляд, это вполне логично – сначала сформировать относительно целостное самостоятельное интеграционное образование, которое в дальнейшем сможет стать ядром для консолидации всего регионального пространства Восточной Европы и генерирования структурирующих импульсов для европейской системы в целом. Однако, достижение соответствующей степени сплочённости в рамках данного объединения само по себе требует преодоления центростремительных тенденций, свойственных пространству СНГ с момента его появления. Становление интеграционного сообщества в узком трёхстороннем составе с участием стран, наименее затронутых этими центростремительными тенденциями, возможно, позволяет на некоторое время избежать такой необходимости, но ни в коем случае не отменяет её. Для того, чтобы стимулировать качественные изменения во флуктуативном внешнем окружении, России нужна более устойчивая политическая и идеологическая платформа, нежели экономически обоснованная двусторонняя солидарность с традиционными партнёрами. Иными словами, Евразийский Союз сможет преодолеть давление структурных факторов только тогда, когда он сам станет структурным фактором, способным задавать конфигурацию регионального и континентального пространства. И это означает, что выполнять эти две задачи – обеспечивать внутреннюю консолидацию и генерировать структурирующие импульсы для системы – ему придётся одновременно.

Что касается свойств международной среды, то нужно отметить, что продвижение интеграционных инициатив в Евразии происходит в условиях упомянутой консервации стратегически амбивалентного характера континентальной структуры с множественностью кооперативных и конкурентных линий, ни одна из которых не детерминирует её направленность. Это сопровождается также нарастанием турбулентности экономических и политических процессов в Европе, снижением общей структурности целостности европейской системы, релятивизацией существующих кооперативных механизмов и расширением форм дифференциации, основанных на нормативных принципах.

Процесс «перезагрузки» отношений между тремя ведущими центрами силы Европы – Европейским Союзом, Россией и Соединёнными Штатами – не привёл к полноценной координации их политических стратегий, а свёлся к селективному торгу вокруг отдельных практических аспектов их двустороннего сотрудничества, тогда как концептуальные подходы к развитию отношений остались без фундаментальных изменений. Частично это связано с объективными обстоятельствами, в частности с необходимостью форсированными темпами найти оптимальные формулы для взаимодействия в острых для одного или нескольких партнёров вопросах – ведении операции в Афганистане, переговорах о ядерной программе Ирана, строительстве системы противоракетной обороны и т.д. Но не в меньшей степени это обуславливалось и субъективными факторами. Предыдущий период 2003-2008 годов ознаменовался не просто восходящим нарастанием конфронтации между Россией и Западом, а возрастающим утверждением в сознании западного сообщества своего культурного и политического разрыва с Россией (что в значительной мере стало следствием определённых внутренних процессов в рамках западного сообщества, нежели собственно поведения России [1, р. 36]). Подобное восприятие повлекло за собой неготовность западных государств рассматривать даже гипотетическую возможность далеко идущего политического сближения с Россией. В свою очередь, в российском руководстве также укрепилось понимание того, что качественных трансформаций в отношениях с Западом ожидать не стоит, и что нужно воспользоваться нынешним смягчением напряжённости для достижения прогресса хотя бы на тех практических направлениях, где наблюдается наличие взаимного интереса. В результате, уровень амбиций и ожиданий от нынешнего исторического этапа существенно снизился, что позволило конструктивно урегулировать некоторые спорные вопросы (вступление России в ВТО, согласование совместных шагов для перехода к безвизовому режиму), но в то же время затормозило диалог по наиболее чувствительным концептуальным аспектам взаимоотношений. Поэтому говорить о долговременной стабилизации взаимодействий между европейскими центрами силы не приходится.

Описанные тенденции неоднозначным образом влияют на способность евразийского интеграционного проекта стимулировать структурные трансформации на общесистемном и региональном уровнях. Значение существующих и перспективных форм интеграции в Евразии для структуры европейской системы определяется тем, как они влияют на:

- а) статусные характеристики ведущих центров силы;
- б) взаимодействие между ведущими центрами силы, его конфигурацию и направленность;
- в) баланс в сопредельных региональных комплексах, прежде всего в пространстве Восточной Европы;
- г) характер процессов, задающих структуру европейской системы.

В аспекте влияния на статусные характеристики ведущих центров силы евразийская интеграция отличается двойственным значением. С одной стороны, происходит прида-

ние будущему Евразийскому Союзу номинальных признаков полноценного обособленного альтернативного интеграционного полюса, аналогичных тем, которыми на данном этапе обладает Европейский Союз. Этот процесс можно назвать формальной «рамочной» симметризацией, когда создаются формальные и институциональные основы субъектности, сопоставимые с субъектностью другого ведущего центра силы Европы. С другой стороны, до тех пор, пока эти формальные рамки не будут наполнены соответствующим содержанием, евразийское объединение будет оставаться лишь интеграционным подкреплением российского стратегического и энергетического потенциала. И насколько оно сможет усилить позиции России в пространстве СНГ и в Европе в целом, будет зависеть в первую очередь от того, как Россия сможет сообразовать свои стремления и ожидания от данного проекта с экономическими и политическими ресурсами, которые она готова вкладывать в его реализацию.

Нужно признать, что ключевым критерием успеха и для России, и для Евразийского Союза будет степень привлекательности нового объединения. Ведь в случае Европейского Союза главной составляющей его ведущего положения в европейской системе выступает его качество основного аттрактивного центра или полюса притяжения для многих акторов этой системы. Можно долго перечислять причины подобной привлекательности, но все они сводятся к возможности усиления собственных позиций и получения определённых преимуществ – экономических в виде доступа на общий рынок, статусных в виде признания своей роли и идентичности или политических в виде приобретения дополнительных рычагов влияния.

Россия до недавних пор ни сама по себе, ни в рамках создаваемых ею многосторонних проектов серьёзной привлекательностью даже для своих ближайших соседей не обладала. Преимущества, которые могло принести сотрудничество с Россией, они при желании получали в формате двусторонних взаимодействий, не выказывая особого энтузиазма проявлять солидарность с Москвой по вопросам стратегического характера. Именно этот факт в своё время стимулировал российское руководство перейти к более наступательному, но менее масштабному варианту политики в «ближнем зарубежье», нацеленному прежде всего на получение прямого контроля над конкретными стратегическими объектами инфраструктуры. Однако, это привело к другой крайности российской внешней политики – её прагматизации, коммерциализации и «маркетизации», порождённой конфликтом между стремлением к получению геополитических и геоэкономических выгод и неготовностью брать на себя крупные затраты по оплате расходов потенциальных союзников [2, с. 136]. Это сопровождалось снижением уровня амбиций российской политики на постсоветском пространстве, становлением избирательного подхода к развитию сотрудничества со странами СНГ, пересмотром ожиданий в отношении политических элит сопредельных стран и сужением спектра стимулов, которые Москва была готова им предоставить в обмен на репрезентацию лояльности. И хотя именно в этот период был дан новый импульс интеграционным процессам на пространстве СНГ, их размах был существенно ограничен из-за неготовности России (и некоторых других участников) переходить к более тесным формам интеграции, требующим частичного отказа от права самостоятельно распоряжаться собственными экономическими преимуществами. Как следствие, из-за подобной «скупой» позиции Россия оказалась в положении «заурядного» крупного игрока, преследующего свои эгоистические интересы, а не регионального гегемона, готового взять на себя риски и ответственность за поддержание стабильности в пространстве СНГ [3].

Вопрос о том, готова ли и способна ли нынешняя Россия играть подобную роль хотя бы в рамках Евразийского Союза, на данный момент остаётся открытым, а вместе с ним

и вопрос о степени аттрактивности данного проекта. И хотя некоторые аналитики утверждают, что Евразийский Союз это «первая попытка поставить интеграционные процессы на экономически разумные рельсы и привлечь партнеров конкретными выгодами» [4], делать выводы в отношении эффективности этой тактики пока рано. Нельзя не отметить, что, взяв за основу нормативную и институциональную модель ЕС, Россия в определённой мере приняла и статусные ограничения, присущие данной модели, но даже в случае успешного её перенесения на постсоветскую почву (что само по себе не гарантировано), она вряд ли автоматически повысит аттрактивные качества России, потому что такая модель может предоставлять только экономические преимущества в виде доступа к общему рынку, тогда как её преимущества политического и статусного характера далеко не самоочевидны.

Из этого можно заключить, что значение евразийской интеграции для статусных характеристик России как центра силы в Европе пока что весьма относительно. Интеграция может использоваться российской дипломатией как элемент внешнеполитического позиционирования, но для качественных сдвигов в положении России в европейской системе политического потенциала у неё недостаточно, что, впрочем, не исключает, его развития с течением времени при условии вложения нужных политических и экономических ресурсов.

Что касается влияния евразийской интеграции на взаимодействие между ведущими центрами силы, то в этом аспекте также нет автоматической линейной зависимости. С одной стороны, образование подобного объединения само по себе неизбежно усугубляет имманентный дуализм европейской системы и увеличивает политические и институциональные разрывы между Россией и Западом. Но с другой стороны, данный проект рассчитан на то, что эти разрывы могут выступить катализатором сближения между двумя частями европейского континента, поэтому изменения, сопряжённые с его оформлением, не являются необратимыми, а сам он не может рассматриваться как фактор окончательного закрепления новой биполярности в Европе. Кооперативные опции для консолидации континента сохраняются, но их политическая и практическая «цена» значительно возрастает. Теперь Запад не сможет имитировать сближение с Россией благодаря «косметическим процедурам» или бутафорским проектам, лишённым реального политического эффекта, равно как и не сможет игнорировать лидерскую роль России на пространстве СНГ.

Тем не менее, по ряду причин проект Евразийского Союза вряд ли способен в полной мере выполнять как функцию геополитического «разделителя», так и функцию катализатора сближения. Во-первых, в силу своих внутренних характеристик он не создаёт критическую массу взаимосвязей, которые бы оказывали серьёзное давление на Запад, стимулируя его к кардинальным сдвигам в существующей конфигурации. Это позволяет Западу нивелировать значимость создаваемого объединения и продвигать собственные форматы взаимодействия с его участниками в обход коллективных структур.

Во-вторых, внешняя политика России со второй половины 90-х годов представляет собой вариативную комбинацию трёх главных направлений, которые можно условно назвать западным, постсоветским и азиатским. Неизменная приоритетность западного направления часто заставляла российское руководство ради достижения нужных результатов идти на уступки за счёт своих позиций на других направлениях, используя их таким образом в качестве предметов торга с западными государствами. Последние, в свою очередь, также нередко ставят прогресс в отношениях с Россией в зависимость от изменения её роли в решении актуальных политических вопросов, одним из недавних примеров чего

выступает обусловленность перехода к новым формам диалога с Евросоюзом созданием возможностей для урегулирования приднестровского конфликта. В отношении Евразийского Союза такая тактика Запада может серьёзно повлиять на степень его внутренней консолидации. В этом плане индивидуальное вступление России в ВТО стало демонстрацией того, что и вопросы, касающиеся данного интеграционного проекта, при необходимости могут выступать предметом торга с Западом или давления на него. Поэтому как ни пытается Кремль заявлять об абсолютной приоритетности евразийской интеграции на данном этапе, этот процесс всё равно будет иметь прежде всего инструментальную ценность для российской дипломатии, причём как во взаимодействии с Западом, так и даже в большей степени во взаимодействии с партнёрами на пространстве СНГ. Это означает, что в отношениях между ведущими европейскими центрами силы интеграция в Евразии пока является не столько независимой переменной, сколько одним из множества своеобразных медиаторов – факторов, которые могут использоваться заинтересованными игроками для влияния на континентальную и региональную конфигурацию.

И здесь важно учитывать тот факт, что каждый из ведущих центров силы по-своему заинтересован в геополитической консолидации континента и преодолении фрагментации его восточной части. В случае России и Евросоюза этот интерес присутствует довольно явно вплоть до генерирования соответствующих дискурсов. В случае США он менее акцентирован, но всё равно американская верхушка осознаёт, что основной предпосылкой для способности США к глобальному вовлечению выступает стабильность и безопасность в Европе [5, р. 178]. В то же время модели подобной консолидации во всех трёх случаях существенно отличаются как по форме, так и по содержанию. И если в российской версии конечной целью этого процесса должно стать преодоление ситуации отстранения России от принятия европейскими институтами решений по затрагивающим её вопросам, то по версии Запада, задача заключается в устранении препятствий для расширения своего влияния, исходящих главным образом от России. При этом сложившийся на данном этапе баланс представляется США и ЕС как тактически приемлемый, поскольку позволяет сохранять свободу действий как в отношении сотрудничества с Россией, так и в отношении противодействия нежелательным проявлениям российского влияния. В таком контексте евразийский проект в нынешнем его виде воспринимается как ещё один раздражающий фактор, но не как непосредственное нарушение сложившегося баланса, поскольку пока что не приводит к значительному ослаблению западного влияния. Однако, при определённых условиях он может спровоцировать подобные последствия, поэтому во многих западных столицах его расценивают как вызов своим позициям в восточной части европейского континента.

Именно поэтому наиболее весомое значение евразийский интеграционный проект имеет для пространства Восточной Европы, на которое, собственно, он в первую очередь и направлен.

Современная Восточная Европа является довольно условной политической общностью, сконструированной под действием, с одной стороны, механизмов евроинтеграционной нормативной дифференциации, а с другой, закреплением некоторыми странами «общего соседства» своей европейской идентичности в качестве центрального элемента внешне-политического позиционирования. Придание этой довольно аморфной и разрозненной группе стран общих, хотя и сравнительно слабых, институциональных контуров происходит с иницированием Евросоюзом программы Восточного партнёрства, которая, несмотря на своё ограниченное практическое наполнение, довершила длящийся уже несколько лет до этого процесс сегментации восточной политики ЕС на два отдельных

уровня – политики в отношении России и политики в отношении стран Восточной Европы [6, р. 248]. Отсутствие эксплицитного интеграционного компонента на первом уровне и его наличие, пусть и в ограниченной форме, на втором создают эффект их «разнонаправленности», который делает невозможным или по крайней мере трудно реализуемым продвижение политики на обоих этих уровнях в единых формальных рамках.

Вместе с тем нужно признать, что, несмотря на привнесение извне некоего подобия общей платформы, политическая организация пространства Восточной Европы по-прежнему отличается высокой степенью флуктуативности и фрагментарности, возникших в ходе исторического развития в условиях постбиполярной системы международных отношений.

На первом этапе после окончания «холодной войны» структуризация современной Восточной Европы происходила под действием разломов и противоречий, сформировавшихся в период дезинтеграции СССР. Вследствие этого конфигурация данного пространства задавалась множественными и разноуровневыми эндогенными конфликтными линиями, образовавшимися как между новыми независимыми государствами, так и внутри этих государств. Это и привело к упомянутой аморфности и фрагментарности организации этой части европейского континента, что, тем не менее, не оказывало значительного влияния на континентальную структуру по причине периферийности и низкой степени включённости этого пространства в общесистемные процессы.

На этапе конца 90-х годов вокруг Восточной Европы начинает нарастать динамика конкурентных интересов и структурирующих импульсов, генерируемых ведущими центрами силы. На первых порах эти импульсы остаются ограниченными и направленными главным образом на избежание нежелательных сценариев развития в данном пространстве. В дальнейшем они приобретают более масштабные формы и нацелены уже на трансформацию тех или иных векторов его политического развития. Но при этом Восточная Европа остаётся сравнительно обособленным сегментом европейской системы, непосредственно не вовлечённым в логику системных противоречий ключевых центров силы.

С середины 2000-х годов наблюдается кардинальный поворот в геополитическом положении Восточной Европы: в результате целенаправленных действий со стороны как внешних игроков, так и участников данного пространства, сложившийся в нём расклад постепенно становится элементом общесистемного баланса между ведущими центрами силы европейского континента. Это объяснялось как стремлением отдельных представителей местных элит обеспечить себе более существенные преимущества во взаимодействии с ведущими центрами силы, так и стремлением последних изменить в свою пользу конфигурацию данного пространства. При этом сами восточноевропейские страны демонстрировали недостаточное понимание императивов и механизмов функционирования континентального баланса и склонность переоценивать собственную значимость для его поддержания. Поэтому вполне закономерно, что подобное втягивание в общесистемные противоречия на фоне усиления конфронтационных тенденций привело к нарастанию напряжения вокруг Восточной Европы, равно как и в её пределах. Проекция на восточноевропейский ландшафт базовых дисбалансов, сложившихся между ведущими центрами силы, способствовала ещё большему усилению его имманентной конфликтности, что в сочетании с усилением давления со стороны внешней среды стало толчком к эскалации ряда кризисных ситуаций, которые продемонстрировали шаткость и взрывоопасность равновесия в Восточной Европе (детальнее см. [7]).

В ходе анонсированного процесса «перезагрузки» отношений ведущие державы негласно придерживались курса на избежание одностороннего смещения баланса в Вос-

точной Европе, согласившись временно вынести противоречия, связанные с политикой в отношении данного пространства, за скобки для того, чтобы выработать оптимальные модальности взаимодействия между ними. Однако, сами эти противоречия, равно как и причины, их породившие, устранены не были, а главные вопросы относительно организации пространства Восточной Европы так и остались открытыми. Это побуждает ведущие европейские центры силы к интенсификации структурирующих импульсов по отношению к данному пространству с целью односторонними усилиями добиться становления более оптимальной, с их точки зрения, его конфигурации, пользуясь временным ослаблением его системного значения.

В русле этой логики Восточное партнёрство является целенаправленной попыткой одностороннего смещения баланса в восточноевропейском пространстве. Временные и географические рамки становления этого формата предопределяли серьёзность его последствий для отношений ЕС-Россия, а вместе с ними и для континентального равновесия в целом. Помимо рассмотренной выше сегментации восточной политики ЕС, вносящей дополнительный элемент размежевания России и стран Восточной Европы, тот факт, что данная инициатива была согласована Евросоюзом «по следам» конфликта на Кавказе 2008 года, способствовал её настороженному восприятию в Москве. Ещё более важным обстоятельством во временном аспекте является то, что реализация Восточного партнёрства осуществлялась в период провозглашения и кульминации политики «перегрузки» между Россией и Западом, когда значительно расширился спектр возможностей для пересмотра системной конфигурации путём диалога и консенсуса. Движение к претворению в жизнь данной инициативы в её первоначальном виде помешало ЕС воспользоваться этими возможностями, чем усугубило неопределённость между Россией и Евросоюзом в отношении баланса в Восточной Европе.

Стоит подчеркнуть, что Восточное партнёрство – довольно гибкий нормативный механизм, который сам по себе не меняет политический расклад в данном пространстве, но создаёт условия для его возможного изменения в будущем. В практическом измерении он стимулирует нормативную конвергенцию стран Восточной Европы с регуляторными правилами и стандартами ЕС, что в перспективе может привести к усилению их разрыва с Россией [6, р. 259]. В идентификационном измерении его эффект более заметен – во-первых, Восточная Европа постепенно перестала восприниматься как часть постсоветского пространства, а выделилась в относительно самостоятельный сегмент европейской системы, а во-вторых, европейская идентичность этих стран была частично признана Евросоюзом, вследствие чего она не только укрепилась как данность для других акторов, но и получила конкретное практическое воплощение в виде нормативной конвергенции и перспектив сближения с ЕС. Связка «европейская идентичность – инкорпорация норм ЕС – европейская интеграция» обрела для них вполне реальные, хоть и недостаточно чёткие, очертания.

В свою очередь, российской политике в отношении Восточной Европы также недостаёт последовательности. Кризис и остановка расширения НАТО вглубь данного пространства наряду с внутривнутриполитическими переменами в ряде его стран создали на некоторое время иллюзию устранения «внешних» препятствий для продвижения интересов России. Однако, вскоре стало очевидно, что для значимого усиления российских позиций необходимы более глубинные преобразования как по линии взаимодействия в данном пространстве с Евросоюзом, так и в рамках сотрудничества непосредственно с восточноевропейскими странами.

Проект евразийской интеграции переводит взаимодействие России с ЕС в плоскость прямой нормативной конкуренции, в ходе которой оба центра силы, фактически, навяз-

ывают странам данного пространства выбор между двумя взаимоисключающими формами интеграции (хотя, по большому счёту, ни одна из этих форм не означает полноценной интеграции). Это ощутимо усугубляет геополитическое положение этих стран и сужает до критического уровня пределы их внешнеполитического маневрирования, заставляя искать альтернативные механизмы сотрудничества, позволяющие смягчить экономические и политические риски подобного положения.

Главная проблема заключается в том, что ни Восточное партнёрство, ни Евразийский Союз не обладают достаточным потенциалом для оказания серьёзного влияния на укоренившиеся в Восточной Европе конфликты и противоречия, поэтому не несут кардинальных изменений для её политической организации. Они представляют собой ограниченные интеграционные механизмы, малоприспособленные для реструктуризации данного пространства вне более широкого политического диалога по вопросам фундаментального концептуального характера, но вместе с тем способные порождать производные политические последствия и, что наиболее важно в текущем контексте, исключать определённые опции внешнеполитического поведения стран Восточной Европы и развития событий в этом пространстве в целом. И тот факт, что оба эти механизма направлены не столько на качественную трансформацию структуры данного пространства, сколько на отстранение альтернативных центров силы от регулирования процессов в его пределах с использованием частичных интеграционных инструментов, ещё больше усложняет выработку компромиссных решений и даже реализацию самих этих инициатив.

В данной ситуации ключевой переменной во многом является позиция Евросоюза, который до недавнего времени демонстрировал решительную настроенность на выполнение задач, заявленных в концепции Восточного партнёрства, вопреки существующим политическим и практическим препятствиям. Перипетии последних месяцев в отношениях ЕС с Украиной поставили под сомнение реалистичность данной концепции, но несмотря на это, ЕС пошёл по пути ужесточения своей позиции и оказания давления на украинское руководство с целью возвращения отношений в согласованное нормативное русло. Насколько эта тактика оправдывает себя, можно будет судить лишь со временем, но некоторые европейские аналитические организации уже сейчас указывают на бесперспективность навязывания Украине подобной игры с нулевой суммой в виде взаимоисключающего выбора между зоной свободной торговли с ЕС или вступлением в Таможенный / Евразийский Союз [8, p. 61].

Что касается отношений России со странами Восточной Европы, то главной задачей Москвы на этом направлении выступает налаживание эффективного диалога по магистральным вопросам политической конфигурации европейского континента и роли друг друга в её трансформации. Наиболее предпочтительным результатом такого диалога могла бы стать выработка устойчивой традиции внешнеполитической координации между этими странами и Россией на двустороннем, а впоследствии и на многостороннем уровне. Но создание дополнительного давления на эти страны в виде евразийского интеграционного проекта скорее затрудняет, чем способствует выполнению этой задачи.

Базовой проблемой в этом плане является именно евразийская идентификация создаваемого объединения. Как уже говорилось выше, за прошедшие два десятилетия восточноевропейские государства целенаправленно декларировали в качестве ключевого элемента внешнеполитического позиционирования свою европейскую идентичность и даже добились частичного её утверждения. Причём платформой для конструирования их европейской идентичности послужило противопоставление их ментальным антиподам — неевропейскому, азиатскому Востоку, воплощением которого они более и менее открыто

признавали Россию. В подобных условиях любые действия или инициативы России, которые могут восприниматься как препятствие для реализации европейской идентичности стран Восточной Европы, будут неизменно сталкиваться с политическим сопротивлением независимо от того, какие экономические выгоды они несут. Понятно, что учитывая длительные тенденции к негативной стигматизации России в политическом дискурсе этих стран, присвоение российским действиям отрицательного значения может иметь место даже в тех случаях, когда это совершенно не соответствует действительности. Но такое значение никоим образом не должно исходить от самой России, тем более иметь явную артикуляцию.

В конце концов, российская дипломатия не должна задаваться целью оспорить европейскую идентичность своих западных соседей – это не только контрпродуктивно, но и малореалистично в нынешнем контексте. Вместо этого России необходимо сформулировать альтернативный смысл этой идентичности, связав её с другими практическими механизмами. В ответ на продвигаемую Евросоюзом дискурсивную конструкцию «европейская идентичность – инкорпорация норм ЕС – европейская интеграция» России нужно выдвинуть альтернативную концептуализацию этого вектора в виде триады «европейская идентичность – внедрение европейских технологий на основе исконных славянских ценностей – интеграция в общеевропейском масштабе». Это даст возможность сохранить в силе европейскую идентификацию Восточной Европы, изъяв из неё антироссийский компонент, а также ослабив монополию Евросоюза на определение критериев и смысла «европейскости».

Именно поэтому евразийская идентификация российского проекта представляется серьёзным препятствием для достижения прогресса на восточноевропейском направлении. Социокультурная и политическая аморфность, если не выхолощенность, этого понятия вместе с особенностями современного европейского контекста приводят к ещё большему укоренению в дискурсивной и политической структуре представления о неевропейской или даже антиевропейской природе России, подтверждая тем самым сложившиеся негативные стереотипы и внося дополнительную разделительную линию между Россией и Европой.

В итоге можно сказать, что Евразийский Союз, вероятно, может служить неким противовесом нормативной стратегии Европейского Союза, но, продвигаемый в качестве единственно возможной формы сближения стран Восточной Европы с Россией, он выступает скорее фактором дестабилизации и нагнетания напряжённости в двусторонних отношениях, нежели средством стимулирования конструктивных тенденций. Москве следует стремиться не «отыграть назад» те процессы, которые произошли в данном пространстве за последние двадцать лет (тем более, что это вряд ли возможно осуществить), а воспользоваться наметившимися предпосылками к трансформациям для установления более оптимальной конфигурации континентальной структуры.

В завершение стоит отметить, что структурное значение интеграции в Евразии, как и многих феноменов в международных отношениях, не задаётся автоматически, а определяется путём соотношения с действующими структурными параметрами системы и процессами, влияющими на эволюцию данных параметров. В своём нынешнем виде проект Евразийского Союза может спровоцировать некоторый сдвиг в сложившемся региональном балансе Восточной Европы, но оказать весомое структурирующее влияние на европейскую систему в целом он не способен. Поэтому России не стоит абсолютизировать этот проект в своей внешней политике, а в некоторые его аспекты вообще целесообразно пересмотреть, поскольку они могут стать реальным гандикапом для реализации рос-

сийских интересов. При этом нужно продолжать поиск параллельных форм политического партнёрства со странами Восточной Европы, направленных на налаживание эффективной взаимовыгодной внешнеполитической координации.

Литература

1. Haukkala H. A Norm-Maker or a Norm-Taker? The Changing Normative Parameters of Russia's Place in Europe / H. Haukkala // *Russia's European Choice* / T. Hopf (ed.). – Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2008. – P. 35-55.
2. Мошес А. Россия и «промежуточная» Европа / А. Мошес // *Pro et Contra*. – Июль-октябрь 2010. – С. 128-144.
3. Trenin D. Russia's Spheres of Interest, not Influence / D. Trenin // *The Washington Quarterly*. – October 2009. – Vol. 32, No. 4. – P. 3-22.
4. Лукьянов Ф.А. От осколку к целому / Ф.А. Лукьянов // *Огонёк*. – 05.12.2011. <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Ot-oskolka-k-tcelomu-15385>
5. Sherr J. Russia: managing contradictions / J. Sherr // *America and a Changed World: A Question of Leadership*. – London: Wiley Interscience, 2010. – P. 162-184.
6. DeBardeleben J. Revising the EU's European Neighbourhood Policy: The Eastern Partnership and Russia / J. DeBardeleben // *Russian Foreign Policy in the XXI century* / R. Kanet (ed.). – London: Palgrave Macmillan, 2010. – P. 246-265.
7. Шаповалова А.И. Роль Восточной Европы в геополитической конфигурации европейского континента / А.И. Шаповалова // *Геополитика*. – 2011. – Выпуск X. – С. 56-68.
8. Judah B. Dealing with a Post-BRIC Russia / B. Judah, J. Kobzova, N. Popescu // *European Council on Foreign Relations Report No 44*. – November 2011. – 64 p. http://ecfr.eu/content/entry/dealing_with_a_post_bric_russia